

А. Е. Петров

КУЛИКОВО ПОЛЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕСТЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ 1380 г.*

Зачастую самые яркие и значительные события прошлого, которым посвящены сотни пухлых исследовательских томов, на деле оказываются наименее изученными. Действительному поиску истины в таких случаях мешают, как правило, идеологические обстоятельства. Часто же, особенно когда речь идет о событиях далекой древности, историку для разворачивания яркого исторического полотна не достает проверенных надежных источников, и он, доверясь поздним, уже мифологизированным текстам, иногда не осознавая этого, приступает к новому мифотворчеству.

Так было и с историей изучения Куликовской битвы 1380 года. Два громких юбилея этой победы явили свету большое количество литературы, как научной, так и популярной, но при этом Куликовская битва так и остается едва ли не самым мифологизированным событием русской истории. Формирование комплекса исторических легенд вокруг Мамаева побоища началось сразу же после завершения сражения и продолжается поныне.

Спорных и запутанных вопросов, связанных со сражением 1380 года, много. Не вполне ясно даже само название места битвы. Историческая беллетристика объясняет происхождение названия Куликова поля от имени степного кулика — кроншнепа. Однако топонимика района Непрядвы и верхнего Дона не позволяет согласиться с таким мнением. Другая распространенная версия была предложена Д. С. Лихачевым, который считал, что название происходит от фольклорного «кулижки» — «кулички» — удаленное место («у черта на куличках»)¹. Большинство же современных ученых производит название поля боя от слова «кулига».

Словарь Владимира Даля дает такие толкования слову «кулига», «кулижка»: стая птиц, кучка; || клин земли, полоса, загон, участок, не вошедший в тягловый надел; || ровное место, чистое и безлесое; небольшой покос, пожня особняком среди пашен либо лесу, прогалинка, полянка, отличная растительностью, травой, ягодами, урожаем хлеба; || лужок на заводи, заливе, и сама заводь; || клин леса, остров; || лес расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню. Хлеб хорош кулигами, местами, полосами, островками. Река дала кулигу, колено, образовав по одну сторону сухую кулигу — мыс, по другую — морскую, заводь, поемный лужок. Дать кулигу, дать крюк...². Эти определения дополняют составители Словаря русского языка XI—XVII вв.: кулига, 1. Участок

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-16235а.

¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2. С. 216.

земли на берегу реки (в излучине, по плесу), используемый как сенокосное угодье; рощище, полянка, пожня в лесу. 2. Излучина, крутой изгиб реки, имеющей заводи, мелководные пересыхающие места. Но, помимо всего прочего, кулига еще и часть волости с «гнездом» деревень³.

Как соотносится топоним Куликово поле с различными значениями слова кулига? Следует отметить, что этот вопрос до поры не ставился. Историки повторяли вслед за текстами «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» название места боя как Куликово поле. Из поля зрения выпал факт, отмеченный еще Н. М. Карамзиным, что в самых ранних летописных рассказах о сражении 1380 г. топонима Куликово поле нет. Битва локализуется лишь у места впадения реки Непрядвы в Дон. Этот факт никогда не настораживал исследователей. Понятие Куликово поле и, соответственно, — Куликовская битва прочно вошли в историческое сознание общества.

В точном определении места и размеров поля боя находится ключ к пониманию тактики противников, уточнению численности войск и хода сражения. Вопрос о месте битвы всегда был спорным. Этот спор, как и прочие, связанные с Куликовской битвой, возник из-за скудости и в то же время противоречивости источников, освещающих данный вопрос. В поэтическом памятнике, повествующем о Куликовской битве, — «Задонщине», дано лишь самое общее начертание места сражения: «...сужено место межъ Доном и Непра, на поле Куликове, на речьки Непрядве»⁴; «... на речьки Непрядве, меж Доном и Непром, пасти трупы челоуечью на поле Куликове, пролитися крове на речьки Непрядве»⁵. Уже само название повести — «Задонщина» указывает на то, что битва произошла на правом берегу Дона (точка для наблюдения в данном случае находилась в русских землях). Однако «Задонщина» не дает ответа на вопрос о том, на каком берегу Непрядвы состоялось сражение.

Летописные повести о сражении также не проясняют этого вопроса. Правда там есть косвенные указания, которые можно истолковать так, что битва произошла на правом берегу Непрядвы. Там сообщается: «В то время Мамай ста за Доном...»⁶ Учитывая, что ордынские войска шли к месту боя от реки Воронеж по правобережью Дона, мы можем предположить, что в итоге они подошли к правому берегу Непрядвы. В Летописной повести имеется еще одно указание: «Князю же перешедшу за Дон, в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы»⁷. Историки предполагают, что условная граница русских земель и Поля в этом месте шла как раз по Непрядве и Дону. Следовательно, переход в «Мамаеву землю» означал и переправу на правобережье Дона и Непрядвы⁸. Кроме того, Летописная повесть упоминает о том, что русские дружины преследовали татар до реки Мечи⁹. Река Красивая Меча, как и Непрядва, впадает в Дон справа, но ниже по течению, следовательно, место битвы нужно искать между правобережьем Непрядвы и левобережьем Мечи.

«Сказание о Мамаевом побоище» — самый поздний и наименее достоверный памятник Куликовского цикла. Он, в основном, повторяет описания места битвы вслед за ранними источниками. Но в этом сочинении есть и два оригинальных сообщения, которые, впрочем, тоже не позволяют однозначно решить занимающий нас вопрос. За день до сражения Семен Мелик, вернувшись из сторожи, поведал князю, что «уже Мамай царь на Гусин брод прииде, и едину ноц имеем между собою, на утрие бо имать приити на Непрядву»¹⁰. Положение татарского войска непосредственно перед началом битвы определяется «Сказанием» так: «стоять на реце Непрядве у поля Куликова опльчишася»¹¹.

³ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. Крада — лящина. М., 1981. С. 114—115.

⁴ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 17; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 132.

⁵ Повести о Куликовской битве. С. 11; Памятники Куликовского цикла. С. 127

⁶ Памятники Куликовского цикла. С. 68.

⁷ Там же. С. 73—74.

⁸ Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 106.

⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 77.

¹⁰ Повести о Куликовской битве. С. 62 (вариант «О»); Памятники Куликовского цикла. С. 168 (вариант «У»).

¹¹ Повести о Куликовской битве. С. 63—64. В варианте «У» Основной редакции данное известие о Куликовом поле опущено: «уже бо гости ниши ближе суть на рици на Непрядне ополчишася» (Памятники Куликовского цикла. С. 170).

Как видим, все известия источников о месте побоища довольно туманны, и, четко определяя место боя на правом берегу Дона, они не указывают, на каком именно берегу Непрядвы состоялась битва.

Повышенный интерес к событиям Куликовской битвы, а значит, и к самому полю, на котором она произошла, обнаружился уже в XIX веке, когда русское общество переживало патриотический подъем, связанный с победой в Отечественной войне 1812 года. Первые исследования Куликова поля начались в 20-х годах XIX века. Главная заслуга в привлечении общего внимания к этой проблеме принадлежит С. Д. Нечаеву. Его дача находилась на территории Куликова поля, и именно Нечаев впервые занялся собиранием и публикацией находок с Куликова поля. Пытаясь точно определить место сражения, он, основываясь на топонимах Куликова поля, местных легендах и карте находок древнего оружия, пришел к выводу, что битва произошла «на небольшом пространстве, начиная от берегов Непрядвы и впадающей в нее речки Ситки до истока вливающихся в Дон рек Смолки и Курцы»¹².

Вопреки утверждению С. Д. Нечаева, обозначенное им пространство вряд ли можно назвать «небольшим». Кроме того, появление топонимов Куликова поля (дер. Куликовка, хутор Сабуров и т. д.) относится к XVI–XVII в.¹³ А среди находок, опубликованных Нечаевым в журнале «Вестник Европы», лишь несколько крестиков и складней могут быть датированы XIV столетием¹⁴. Змеевик и золотой перстень с изображением Архангела Михаила были сделаны, по-видимому, в XII веке¹⁵. Такие вещи передавались из поколения в поколение и, соответственно, нельзя однозначно утверждать, когда оказался в земле этот перстень: до Куликовской битвы, во время нее или же после более поздних столкновений с татарами в этих местах в XVI веке. Что же касается бердышей (в XIX веке их обнаружено не менее десяти), один из которых был опубликован С. Д. Нечаевым¹⁶, то это оружие более позднее. Их появление на Руси связано с реорганизацией русского войска, изменением его тактики, и относится к самому концу XV века¹⁷.

С. Д. Нечаев упоминает о значительном количестве подобных находок. Но большую часть своей коллекции он раздарил тульскому губернатору Г. В. Васильеву и другим лицам. О колечке с Куликова поля упоминал К. Ф. Рылеев. После революции 1917 года «губернаторская» часть находок с Куликова поля, находившаяся в Тульском музее, бесследно исчезла, поэтому теперь невозможно судить о том, что представляли собой эти вещи. В XX веке к упомянутым выше вещам добавились лишь несколько крестов-энколпионов, наконечников копий и стрел XIV века¹⁸. Имеется еще кольчуга из собрания Государственного Исторического музея, которую также считают находкой с Куликова поля.

Малочисленность предметов, оставшихся от великой битвы, объясняется тем, что победители собрали на месте сражения все оставшееся там оружие. Оружие и доспехи во все времена ценились очень высоко. Их не оставляли просто так на поле битвы. Скорее всего, найденные теперь вещи XIV века были обнаружены не на месте основного столкновения войск, а на том пространстве, где осуществлялось преследование убегающего противника. С этим же обстоятельством связан и большой пространственный разброс мест находок. На обширной территории от Непрядвы до Красивой Мечи (свыше 30 километров), по которой отступали татары, невозможно было собрать все упавшее оружие. Кстати, большинство из немногочисленных находок с мест крупных битв русского средневековья, как правило, обнаружены на отшибе, недалеко от места главной схватки.

¹² Нечаев С. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 125–126.

¹³ Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище // Природа. 1984. № 8. С. 41; Долгова С. Р. К истории некоторых населенных пунктов на Куликовом поле // Куликово поле. М., 1990. С. 138–147.

¹⁴ С. Д. Нечаев опубликовал найденные на поле крестьянами крестики, складни, амулет-змеевик, перстень, бердыш и даже кремневый пистолет, сделанный явно не ранее конца XVI века. Датировку этих вещей см.: Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле. С. 72–77.

¹⁵ Щепкин В. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле // Археологические известия. 1897. № 12. С. 374–378.

¹⁶ Нечаев С. Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. С. 348.

¹⁷ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л., 1976. С. 22–23.

¹⁸ Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле. С. 76.

С. Д. Нечаев явился инициатором создания на Куликовом поле памятника победе. Примечательно, что монумент был воздвигнут именно на том месте, которое предложил Нечаев в записке тульскому губернатору Г. В. Васильеву, пересланной последним президенту Академии художеств А. Н. Оленину: «Безлесья равнины... представляют взору только две замечательныя возвышенности, решительно господствующие над окрестностями... Если благодарное потомство, благоговей к принесенной здесь жертве за свободу Отечества почтит достойным памятником столь знаменитое место, то можно полагать за верное, что одна из сих высот, конечно, избрана будет пиедесталом для сей святыни»¹⁹. Как известно, памятник Дмитрию Донскому и поныне возвышается на Красном холме.

С тех пор у историков не возникало сомнений по вопросу о том, на каком берегу Непрядвы сошлись в решительном бою русские и татарские войска. Автором первого проекта монумента Дмитрию Донскому на Куликовом поле стал создатель памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве И. П. Мартос. По замыслу скульптора, «общая масса памятника должна была иметь более игры и легкости», в соответствии с этим проект предусматривал изящный арочный постамент, а скульптурная часть представляла собой группу из трех фигур: сражающегося Дмитрия Донского и двух его противников, один из которых убит, а другой, безоружный, хоть и пытается встать, но, судя по всему, ранен, и в жесте его руки — мольба о пощаде. Проект не приняли, а в 1823 году Академия художеств объявила конкурс на проект памятника. Победила работа академика А. П. Брюллова, брата известного художника.

Проект предусматривал строительство храма на Красном холме. Рядом должен был стоять памятник в виде пятиярусной колонны, увенчанной куполом-луковкой и крестом. Третьим сооружением предполагалось установить инвалидный дом для участников войны 1812 года. В 1847 году Академия художеств, одобрив проект в целом, отвергла архитектурное решение храма. Было решено оставить один памятник.

Средства на монумент собирали по всей России, отливали колонну весом в 426 тонн в Петербурге на заводе Берда, а затем по зимнему пути, на подводах по частям перевезли на место установки. Торжественное открытие памятника Дмитрию Донскому состоялось 12 августа 1850 года при большом стечении народа.

Уже в 1902 по инициативе жителей Тульской губернии начался сбор средств на строительство храма в честь Сергия Радонежского на Куликовом поле. Проект заказали молодому архитектору А. В. Щусеву, впоследствии прославившемуся проектами Мавзолея В. И. Ленина, гостиницы Москва и нескольких станций московского метро. В июне 1913 года храм заложили, а завершить его удалось лишь в 1918 году. Иконы для иконостаса писали Д. Стеллецкий и В. Комаровский.

Оба памятника на Красном холме пострадали во время фашистского наступления на Москву в 1941 году, но были отреставрированы, и поныне возвышаются над Куликовым полем храм-памятник Сергию Радонежскому и монументальная чугунная колонна с надписью: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство»²⁰.

Много времени прошло со времени первых публикаций С. Д. Нечаева, но наши представления о местонахождении поля и его размерах, по сути, не претерпели больших изменений. Устойчивость этих взглядов основывается на двух «китах» — расположении монументов, увековечивших память о сражении, и известной со школьной скамьи схеме Куликовской битвы.

Общепринятая схема сражения сложилась на основе данных «Сказания о Мамаевом побоище» и предположений С. Д. Нечаева. В течение XIX—XX вв. военные историки вносили уточнения, касающиеся расположения и протяженности линии фронта, местонахождения тех или иных полков во время битвы. Эти уточнения существенно скорректировали первоначальную

¹⁹ РГБ. Ф. 211. № 3620. Ед. 3а. Л. 3—3 об.

²⁰ Наумов А. Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 1999. С. 15—26.

«нечаевскую» схему. Линию фронта на новых планах стали смещать севернее — ближе к правым берегам Непрядвы и Дона, уменьшились расстояния между флангами войск. Представления о битве стали более правдоподобными. В литературе шли дискуссии о местонахождении Засадного полка, о том, являлись ли Передовой и Сторожевой полки разными подразделениями, на 12 или на 8 километров протянулся строй русского войска и т. п. Но по-прежнему основой всех рассуждений о ходе сражения оставалось представление о Куликовской битве, зафиксированное в известной схеме и попавшее в таком виде в энциклопедии, вузовские и школьные учебники истории (см. Рис.)²¹.

Построение войск на этой общеизвестной схеме Куликовской битвы удивляет своей необычностью. Ни в одной другой битве средневековья (о которых мы имеем соответствующие известия) русские рати так не выстраивались. Кроме того, представленное расположение войск в военном отношении не вполне оправданно: вытянутое узкой линией по огромному фронту русское войско оставляет возможность противнику легко прорвать строй на флангах и окружить небывалое скопление войск в центре (по разным версиям 3 или 4 полка). Специальное рассмотрение этого парадокса позволяет заключить, что на схеме представлено абстрактное походное построение русской армии, зафиксированное в разрядных книгах конца XV—XVII веков и отразившее систему организации войска единого Русского государства. Почему это построение абстрактное? Да потому, что в действительности ни в XVI, ни, тем более, в XIV веке войско таким образом, как представлено в разрядах, не выстраивали, и даже в поход разные полки зачастую ходили по разным дорогам. Цель такого разряда — определить статус подразделений в системе, круг их задач и иерархию военачальников. Документы начального этапа разрядного делопроизводства оказали влияние на составленное в конце XV столетия «Сказание о Мамаевом побоище», и именно из этого сочинения, а не из древних памятников историки черпают свою информацию о построении войск²².

Военные историки оказались наиболее уязвимыми перед соблазном использовать весь спектр известий о сражении, не утруждаясь скрупулезной критикой источника. Вышло так, что по-своему «священной» книгой юбилейных исторических интерпретаций стали не древнейшие памятники Куликовского цикла («Задонщина» и летописные повести), а написанное спустя столетие после битвы «Сказание о Мамаевом побоище». И это легко объяснимо — столько сведений о тактике войск, направлении похода и ходе сражения не дает больше ни один источник. «Сказание» оказалось идеальным документом для юбилея. Но, вместе с тем, чрезмерное использование памятника общественной мысли рубежа XV—XVI веков при реконструкции событий XIV столетия несколько не приблизило исследователей к истине, а, пожалуй, лишь отдалило от нее.

Нельзя сказать, что взгляд на местонахождение поля и его размеры всегда был единодушным. Так, в преддверии празднования 600-летнего юбилея битвы историк В. А. Кучкин и географ К. П. Флоренский выдвинули гипотезу о местонахождении поля боя на левом, а не на правом, как принято считать, берегу Непрядвы²³. Нужно отметить, что появление такой гипотезы, хотя было встречено критически в научных кругах²⁴, по-своему закономерно и полезно для дальнейшего изучения событий 1380 года.

Тогда, накануне грандиозного празднования, оказалось, что реальная изученность проблем Куликова поля находится на чрезвычайно низком уровне. Археологические исследования поля

²¹ Масловский Д. Из истории военного искусства в России. // Военный сборник. 1881. Август. № 8. План. С. 212; Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. 1. СПб. 1877; Карасев А. В., Оськин Г. И. Дмитрий Донской. М., 1950. Схема 4; Строчков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955. Схема 54; Разин Е. А. История военного искусства. Т. 2. М., 1957. С. 279.

²² Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 99–106.

²³ Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 47–53; Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8; Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3–21.

²⁴ Хотинский Н. А. История и география Куликова поля. М., 1988.

только начинались, и результаты первых разведок на поле были, прямо скажем, не очень впечатляющими. Со времени первых публикаций С. Д. Нечаева у историков не возникало сомнений по вопросу о том, на каком берегу Непрядвы сошлись в решительном бою русские и татарские войска. Многочисленные же исторические описания битвы, затрагивая вопрос о месте и размерах Куликова поля, чаще всего подменяли научное доказательство того, что сражение произошло на правом берегу Непрядвы, на безликое и традиционное: «Как известно, битва произошла на правом берегу...» Тем не менее, сообщения источников по этому вопросу оказались настолько скудны и двоякотрактуемы (в выявлении этого обстоятельства и видится главная заслуга В. А. Кучкина), что на основании одних и тех же сообщений памятников Куликовского цикла можно было сделать вывод и в пользу так называемой «левобережной», и «правобережной» концепции.

По мнению В. А. Кучкина и К. П. Флоренского, перед битвой противники находились на разных берегах Непрядвы, затем татары предприняли атаку, двигаясь по обеим сторонам реки, а когда началось преследование ордынцев, многие из них утонули в Непрядве. Поскольку прямые свидетельства источников довольно неопределенны, то авторы этой концепции основывались в основном на косвенных указаниях.

В обоснование своей гипотезы В. А. Кучкин пишет, что по картине гадания в «Сказании о Мамаевом побоище» ясно, что перед сражением русских и ордынцев разделяла Непрядва²⁵. Однако это вовсе не так «ясно». Больше того, по этому фрагменту хорошо видно, что в представлении автора весьма поздней по отношению к событию повести татарский полк только левым своим крылом упирался в Непрядву. А между ордынцами и русскими нет никакой водной преграды. Вот этот текст «Сказания»: «И выехав на поле Куликово и став посреди обоих плъков (Так! — А. П.) и обратився на плък татарский, слышит стук велик и кличь и впль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремит. Сзади же плъку татарскаго вольцы выпот грозно велми. По десной же стране полку татарскаго ворони кличуще и бысть трепет птичей велик велми. А по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крылами плещуще»²⁶. Эта последняя фраза и является, по мнению В. А. Кучкина, ключевой. Тем не менее, весь фрагмент представляет собой своеобразную панораму, разворачиваемую перед зрителем-читателем, в которой автор «Сказания» последовательно переводит взгляд читателя с центра ордынского войска на правый его фланг, затем — на левый и лишь завершает описание рекой. Выходит, что автор повести представлял себе расположение ордынского лагеря так, что слева от него протекала Непрядва. Кроме того, уже начало фрагмента показывает, что Дмитрий и Боброк, выезжая на гадание («...и выехав на поле Куликово и став посреди обоих плъков»), не встретили на своем пути водной преграды. Автор «Сказания» не стал разводить противников по разные стороны Непрядвы.

Другой аргумент В. А. Кучкина опирается на следующий текст «Сказания», описывающий начало сражения: «Мнози же плъки поганых бредуть обапол»²⁷. Ученый объяснил это тем, что татары двигались по обоим берегам Непрядвы. Однако такое движение войск не оправдано тактически: это дает противнику возможность организовать численный перевес и разбить войско по частям. Возможно, появление данной фразы в этом месте «Сказания» объясняется тем, что автор подверг переделке текст Летописной повести, в котором фигурирует слово «обапол». В самом конце Летописного рассказа о Куликовской битве Софийской I летописи старшего извода, где объясняется, каким образом Дмитрий Донской получил свои раны, речь идет о том, что князь сражался с татарами в начале битвы впереди всех «на первом суиме» вопреки уговорам «многих князей и воевод». Справа и слева от него побили всю дружину, а «...самого же въкруг оступиша около, аки вода много, обаполы...»²⁸. В «Сказании»,

²⁵ Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы. С. 51.

²⁶ Повести о Куликовской битве. С. 64; Памятники Куликовского цикла. С. 171.

²⁷ Повести о Куликовской битве. С. 68; Памятники Куликовского цикла. С. 177; Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы. С. 51.

²⁸ Памятники Куликовского цикла. С. 39.

в соответствии со своей логикой повествования, данный сюжет видоизменился, был сильно расширен (за счет включения притчи об Арефе — воеводе) и помещен перед описанием боя. Поэтому вместо рассказа о подвиге Дмитрия мы видим здесь описание сближения войск, причем движение татар описывается выражениями, очень близкими к упомянутому уже фрагменту Летописной повести, где «агаряне» обступают с обеих сторон («обапол») князя.

Еще один аргумент, приводимый в защиту «левобережной» гипотезы, основывается на тексте Летописной повести: «И в погони той ови татарове от крестьян язвени оружием падоша, а дружи в реце истопоша (В. А. Кучкин считает, что здесь имеется в виду река Непрядва. — А. П.), и гониша их до реки до Мечи...»²⁹. Как видим, в этой фразе вовсе не фигурирует конкретное название реки, а по пути к р. Красивой Мече отступающие могли встретить несколько рек — Смолку, Ситку, Большой, Малый и Средний Дубики. Наконец, часть побежденных могла утонуть и в Непрядве (ведь направление бегства часто никем не регламентируется). Думается, и этот аргумент не может быть доказательством того, что битва произошла на левобережье Непрядвы.

В качестве дополнительного аргумента в пользу своей гипотезы В. А. Кучкин указывает на то, что Засадный полк находился на правом фланге русского войска, а не на левом, как традиционно считали, основываясь лишь на гипотетическом местонахождении дубравы, из которой, согласно тексту «Сказания», Владимир Андреевич повел свои дружины в бой. Но расположение одного подразделения по отношению к другим все же не может являться подтверждением местонахождения всего войска. Тем более, что, исходя из имеющихся сведений, можно предложить несколько вариантов расположения Засадного полка на поле битвы и даже обосновать его отсутствие.

На мой взгляд «левобережная» гипотеза осталась недоказанной, но само ее появление обнаружило серьезную проблему: получается, что данные письменных источников можно толковать в пользу как одной, так и другой концепций, причем с одинаковой степенью гадательности результатов.

Можно подумать, что с осознанием этого факта складывается патовая ситуация, когда давно и хорошо изученные скудные сообщения древнейших памятников не проясняют вопроса, а подробные сведения «Сказания» необходимо подвергать гиперкритике. Тем не менее, вернее говорить о завершении исследовательского этапа, связанного с анализом и толкованием письменных памятников. Следующий шаг неотвратимо ведет ученых к объединению усилий разных дисциплин для решения одного круга проблем, т. е. к комплексному исследованию. Куликово поле и вопросы, с ним связанные, являются наилучшим объектом для такого научного поиска.

Именно в 1980 году, в дни юбилейных торжеств, стала особенно очевидной необходимость исследования Куликова поля по различным направлениям, основные из которых — это анализ поздних документов, в частности писцовых книг, на предмет выяснения границ Куликова поля в XVI—XVIII вв.; археологическое и палеопочвенное исследование района битвы.

Работы С. Р. Долговой и других ученых по исследованию писцовых книг наглядно показали, что под Куликовым полем в XVI веке и позже понималась весьма значительная территория, куда входили и правобережье, и левобережье Непрядвы³⁰.

Археологи за почти 15 лет раскопок пока не нашли следов крупного могильника XIV века. Мало что дает и карта единичных находок оружия современной битве (следует, правда, отметить, что почти все предметы XIV века были обнаружены на правобережье Непрядвы). Зато в результате кропотливой работы в районе Куликова поля был обнаружен целый ряд древнерусских поселений XII—XIV в.³¹ Эти открытия позволяют заключить, что название «Куликово поле» может быть

²⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 38, 77; Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы. С. 53.

³⁰ Долгова С. Р. История Куликова поля в документах XI—XVII вв. // Природа. 1984. № 8.; Кузнецов О. Ю. Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 16—33; Фомин Н. К. Топоним «Куликово поле» по документам XVI—XVII вв. // Там же. С. 34—39.

³¹ Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы. // Куликово поле. С. 37—49; Архив ИА РАН. Р-1. № 9815, Гоняный М. И. Отчет

отождествлено со всеми известными определениями слова «кулига», т. е. участок земли на берегу реки (в излучине); крутой изгиб реки; часть волости с «гнездом» деревень.

Палеопочвенные, палеоботанические и палеогеографические исследования поля неожиданно для сторонников традиционного источниковедения дали очень многое. Во-первых, они показали, что значительная облесенность левого берега Непрядвы в XIII—XIV веках не располагала к проведению там сколько-нибудь серьезного боя. А, во-вторых, ныне широкое поле на правобережье Непрядвы было пересечено листовым перелеском³². Наличие этого облесенного участка посреди водораздела не позволяло выстроить войска таким образом, как это принято изображать в школьных учебниках и на схемах военных историков. Правобережье Непрядвы и Дона распадается на несколько полян-«кулиг» площадью 2—4 км². Пространство для боя, таким образом, сужается до 2—3 квадратных километров, что, в свою очередь, заставляет изменить наше представление о тактике боя и снизить численность участвовавших в нем войск.

Количество в 250, 300 и 400 тысяч человек с каждой стороны не соответствует ни внутренним ресурсам Руси и Орды, ни пространственным возможностям поля. Последнее время в исторических исследованиях наметился процесс постепенного снижения численности войск, участвовавших в сражении. Тем не менее, большинство историков, опираясь на традиционные представления о размерах Куликова поля (по таким представлениям фронт войск достигал 8—9 километров), соглашались с оценкой численности войск в 100—150 тыс. человек с каждой стороны. Интересно, что в Бородинской битве 1812 года между армиями двух империй (!) на фронте 8—9 километров столкнулись примерно 260 тысяч человек с обеих сторон. А ведь в XIV веке не было Российской империи, существовал лишь союз нескольких истерзанных татарами княжеств. В том же XIV веке в Европе, на полях сражений Столетней войны, войско, достигавшее 10 тысяч человек, считалось уже «огромным»³³. Конечно, следует учитывать специфику борьбу Руси с Ордой, в военные столкновения которых всегда были вовлечены большие массы людей, чем в Западной Европе, поэтому вполне реальной для меня выглядит численность войск в 30—40 тысяч человек с каждой стороны.

Даже те немногие результаты, которыми располагают историки, заставляют решительно отказаться от тиражирования хорошо известной, но, к сожалению, не соответствующей действительности схемы Куликовской битвы. План, который может быть предложен вместо устаревшего, не фиксирует «точного» расположения полков на поле в разные моменты боя. В такой реконструкции может быть представлено гипотетическое расположение противников перед началом битвы, не противоречащее скудным данным источников по этому вопросу (см. Рис.³⁴). Ценность же новой схемы видится в том, что на ней впервые сведены результаты работы палеопочвенников и археологов в районе битвы. Поселения и находки XIV столетия нанесены на схему современного им ландшафта.

Такая схема является отражением наших знаний на данном этапе изучения проблемы и этапом в эволюции представлений о месте Куликовской битвы 1380 года. Конечно же, появление такой

о работе Окско-Донской археологической экспедиции, 1983 г.; Архив ИА РАН. Р-1. № 8339, Тухтина Н. В. Отчет о работе Тульской экспедиции ГИМ, 1980 г.

³² Александровский А. Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле. С. 69—70; Сычева С. А., Гласко М. П., Маркова А. К. Многовековой ритм развития ландшафтов в голоцене и время Куликовской битвы в его структуре // Исследования историко-культурного и природного наследия Куликова поля. С. 87—113.

³³ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 352—353.

³⁴ На рисунке представлены как традиционная схема сражения, так и реконструкция, основанная на данных палеогеографических и археологических исследований места сражения. Построение русских войск в указанной реконструкции гипотетично, но именно такое расположение могло позволить свести к минимуму сильные стороны татар (преимущество в коннице, возможность флангового прорыва и охвата строя) и проявить свои (пехота выстроена на пригорке, место боя достаточно тесно, что выдвигает на первый план рукопашную схватку, ордынцам оставлен узкий коридор для подхода к месту сражения, что затрудняло одновременное введение в бой больших масс конницы). Кроме того, на реконструкции указано несколько возможных мест укрытия засадного полка. Все отмеченные точки соответствуют достаточно широким ориентирам местонахождения этого полка сообщаемым письменными источниками.

схемы не развеет всей «мглы» загадок и вопросов, оставшихся нам в наследство от великого Мамаева побоища, и лишь будущие исследования смогут приоткрыть таинственную завесу над историей «Поля русской славы».

